

**В клубе «Только стихия, только поэзия» 6 марта 2013 года
Собрались в 402-ой раз!!!!**

Отмечали Международный женский день!!!
Виктор Мирочник поздравил женщин и пожелал прежде всего здоровья.
И чтоб все мы в следующем году, отмечая этот праздник, бы не в худшем состоянии здоровья.

Тамара Сологуб-Кримонт

Призналась, что не любит праздник 8 марта. Потому что не признает любви и уважения по государственному указанию.
- Любите нас круглый год. Или не любите вовсе. Но не один день в году!
По этому поводу написала прямо на берегу моря на скамеечке у Дома инженером стихотворение, которое и прочитала «с пылу – с жару, еще тепленькое»

Подари мне цветы просто так,
не в назначенный праздник советский,
пусть невзрачный цветок – за пятак,
только просто, без поводов веских.
Подари потому - что весна,
день прозрачен и солнечно светел,
чтоб, как в юности, грезилось нам,
что счастливей нас нет на свете.

Принеси его будничным днем,
чтобы путь, что еще не прошли мы,
засветился веселым огнём,
показался нам долго счастливым.
Март 2013г. Бат - Ям.

И еще одно стихотворение о подаренных цветах:

«Ах, близость чувства и цены
Вам кажется циничной прозой?»

Цветочный рынок полон. Розы
венчают яркий хит-парад:
в бутонах – непорочность позы,
в расцветших – пышности наряд.
Цветы стоят в корзинах разных,
лоснится розовый загар...
Все одинаково прекрасны,
Но ведь они – ничьи. Товар.
А ты горячими руками
коснулся лишь одной из роз,
остановившееся пламя,
как Прометей с собой унёс.
Свой факел – свой кулёк бумажный –
понёс, от ветра заслоня.
А мне необычайно важно,
что эта роза – для меня.
Я стану пламя розы этой
хранить, как пращур свой очаг,
чтоб символ нежности и света
от гроз житейских не зачах.
А те, в охалках, ведрах, крынках...
Их, может, тоже купят в дар –
Но всё ж, пока они на рынке,
они по-прежнему - товар.

В ответ на рассказ – воспоминание о плакате:

«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»

Тамара Сологуб- Кримонт прочитала стихотворение:

УСЫНОВЛЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

В час веселья смерти пирующей
мы, не знавшие о войне,
родились. От бомбёжек шутившись,
не умели мы спать в тишине.
Мать-Россия, огнём опаленная,
отдала нас за ради Христа...
Поколение усыновленное,
ты нас вырастил, Узбекистан.
Вдоль дорог – тополя белокожие
и, отпиленный до культей, -
строй тутовников, горестно схожий
с инвалидами. Для детей
той поры, недокормленных семьями,
у тутовников – благодать,
до икоты горстями целыми
рты голодные набивать
спелой ягодой, черной и белой,
недозрелой ещё до конца.

А потом пятерней почернелой
синь смывать с зубов и с лица,
и ногами, от цыпок зудящими,
по натянутой глади вод
по арычному дну скользящему
подгонять свой газетный флот...
Босоногим забава отрадная –
попылить, когда солнце палит,
пропуская сквозь пальцы прохладу
только сверху нагретой пыли.
Мы вьюнками надутыми «бацали»
по затылкам стриженным – влет...
Мы сосали стручки от акации,
сладко- горький коричневый «мед»
Нам, по корке хлеба тоскующим,
был паслен - просто царской едой.
Мы зеленый урюк, в пуху ещё, -
ели с косточкой молодой.
И чего-чего только не ели мы,
зная толк в «подножных кормах»,
от «калачиков», дольками склеенных,
до «арбузиков» в черных бобах...
Мы – туями* доступными кормлены
наравне с гурьбой узбечат.
Нас, завшивленных и ободранных,
хауз** тёплой водой привечал...
Как мы ждали старьёвщика, Боже мой!
в двухколесной глубокой арбе,
как с бутылками мчались восторженно
за богатством в дешёвой фольге
по саманным кривым переулочкам –
«узбекча», «еврейча», «урусча»***...
Как часами стояли у булочных,
как на хлопке – смальства, - на бахчах...
Мы теперь уже взрослые. Мазанки
уступили бетонным домам...
Ты – отец нам. А мы тебе? – Пасынки?
Не сыны тебе, Узбекистан!?

*Гуй – (узб.) – праздничные многолюдные застоля

**Хауз (узб.) - бассейн.

*** Узбекча, еврейча, урусча – узбекский, еврейский, русский.

Константин Баскович прочёл несколько стихотворений:

Д. Быков - На самом деле, мне нравилась только ты...

На самом деле мне нравилась только ты,
мой идеал и мое мерило.
Во всех моих женщинах были твои черты,
и это с ними меня мирило.
Пока ты там, покорна своим страстям,
летаешь между Орсе и Прадо, —
я, можно сказать, собрал тебя по частям.
Звучит ужасно, но это правда.
Одна курноса, другая с родинкой на спине,
третья умеет все принимать как данность.
Одна не чаёт души в себе, другая — во мне
(вместе больше не попадалось).
Одна, как ты, со лба отдувает прядь,
другая вечно ключи теряет,
а что я ни разу не мог в одно все это собрать —
так Бог ошибок не повторяет.
И даже твоя душа, до которой ты
допустила меня раза три через все препоны, —
осталась тут, воплотившись во все живые цветы
и все неисправные телефоны.
А ты боялась, что я тут буду скучать,
подачки сам себе предлагая.
А ливни, а цены, а эти шахиды, а распечать?
Бог с тобой, ты со мной, моя дорогая.

Сильвия Плат

ПАПОЧКА

Ты не подходишь больше, нет не
Подходишь, чёрный башмак,
В котором я тридцать лет жила как нога,
Бедна и белая, не смея
Ни вздохнуть, ни чихнуть.
Папочка, я бы тебя убила, но
Не успела... как ты сам скончался
Тяжеловесным мрамором, кульком набитым
Богом. Этот жуткий памятник с серым пальцем
На ноге, громадный как тюлень.
А голова в зверском Атлантическом океане,
Где она бьётся бобово-зелёной над синевой
Вод, стекающихся с прекрасного Носета.
Я молилась, бывало, о твоём возвращении.
Ach, du.
По немецки, в польском местечке,
Вымощенном катком
Войн, войн, войн.
Название — типично местечковое.
Мой друг, поляк,
Говорит, таких десятков или два.
Поэтому я никогда не знала, где
Ты ступал, откуда корни твои,
Я не могла с тобою говорить.
Язык застревал в челюсти.
Застревал в ловушке колючей проволоки.
Ich, ich, ich, ich,
Я еле могла говорить.

Я думала, что каждый немец — это ты,
А язык их — непристойный.
Двигатель, двигатель
Отправляющий меня как еврейку,
Еврейку в Дахау, Освенцим, Бельзен.
Я начала говорить, как еврейка.
Наверное, я всё-таки еврейка.
Тирольские снега, прозрачное венское пиво
Не так уж чисты и верны.
Мне, со своей бабкой-цыганкой и странным везением,
Со своими картами Таро, со своими картами Таро,
Возможно, что я всё-таки чуть чуть — еврейка.
Я тебя всегда боялась.
Твоего Люфтваффе, и твоих распущенных нюней,
И твоих строгих усов,
И твоего арийского глаза, ярко голубого.
Бронетанковый, бронетанковый, О Ты —
Не Бог, а свастика, настолько
Чёрная, что небу не пробиться.
Любая женщина любит фашиста,
Сапогом по лицу, по-зверски
Зверские сердца такого зверя как ты.
Ты стоишь у доски, папочка,
На одной из моих фотографии,
Волчья пасть вместо вмятого сапога,
Тем не менее чёрт, и не менее
Чем чёрный мужчина, раскусивший
Моё прекрасно-красное сердце на два.
Мне было десять, когда тебя похоронили.
В двадцать лет я попыталась умереть,
И вернуться, вернуться к тебе.
Решила, что даже кости сгодились бы.
Но меня возвратили из кулька,
И меня склеили клеем.
И тогда я поняла, что мне нужно.
Я себе сделала копию тебя.
Мужчину в чёрном со взглядом Майнкампф
И со страстью к дыбе и к винту.
И сказала я, да, да, да, да.
Так вот, папочка, наконец-то всё.
Чёрный телефон корнями вырван,
Голосам не подкрасться.
Я убила одного, второго —
Вампира, который представлялся тобой,
И пил мою кровь целый год,
Даже семь, если хочешь знать.
Папочка, ну ложись уже.
В твоём чёрном толстом сердце — кол.
И ты никогда не нравился местечкам.
Они по тебе пляшут, они по тебе топчут.
Они всегда знали, это — ты.
Папа, папочка, сволочь ты. Всё.

Дилан Томас
НЕ ГАСНИ, УХОДЯ...

Не гасни, уходя во мрак ночной.
Пусть вспыхнет старость заревом заката.
Встань против тьмы, сдавившей свет земной.

Мудрец твердит: ночь — праведный покой,
Не став при жизни молнией крылатой.
Не гасни, уходя во мрак ночной.
Глупец, побитый штормовой волной,
Как в тихой бухте — рад, что в смерть упряган...
Встань против тьмы, сдавившей свет земной.
Подлец, желавший солнце скрыть стеной,
Скулит, когда приходит ночь расплаты.
Не гасни, уходя во мрак ночной.
Слепец прозреет в миг последний свой:
Ведь были звёзды-радуги когда-то...
Встань против тьмы, сдавившей свет земной.
Отец, ты — перед чёрной крутизной.
От слёз всё в мире солоно и свято.
Не гасни, уходя во мрак ночной.
Встань против тьмы, сдавившей свет земной.
1952

КВАДРАТЫ

Владимир Лифшиц

И всё же порядок вещей нелеп.
Люди, плавящие металл,
ткущие ткани, пекущие хлеб, -
кто-то бессовестно вас обокрал.
Не только ваш труд, любовь, досуг —
украли пытливість открытых глаз;
набором истин кормя из рук,
уменьше мыслить украли у вас.
На каждый вопрос вручили ответ.
Всё видя, не видите вы ни зги.
Стали матрицами газет
ваши безропотные мозги.
Вручили ответ на каждый вопрос...
Одетых и серенько и пестро,
утром и вечером, как пылесос,
вас засасывает метро.
Вот вы идёте густой икрой,
все, как один, на один покрой,
люди, умеющие обувать,
люди, умеющие добывать.
А вот идут за рядом ряд —
ать - ать - ать — ать, -
пока ещё только на парад,
люди, умеющие убивать...
Но вот однажды, среди мелких дел,
тебе дающих подножный корм,
решил ты вырваться за предел
осточертевших квадратных форм.
Ты взбунтовался. Кричишь: - Крадут!.. —
Ты не желаешь себя отдать.
И тут сначала к тебе придут
люди, умеющие убеждать.
Будут значительны их слова,
будут возвышены и добры.
Они докажут, как дважды два,
что нельзя выходить из этой игры.
И ты расквасишься, бедный брат.
Заблудший брат, ты будешь прощён.

Под песнопения в свой квадрат
ты будешь бережно возвращён.
А если упорствовать станешь ты:
- Не дамся!.. Прежнему не бывать!..
Неслышно явятся из темноты
люди, умеющие убивать.
Ты будешь, как хину, глотать тоску,
и на квадраты, словно во сне,
будет расчерчен синий лоскут
чёрной решёткой в твоём окне.

Даля Равикович ГОРДОСТЬ

Даже скалы разламываются — я скажу тебе.
И это бывает не от старости.
Долгие годы они возлегают на спинах в холод и в зной.
Столь долгие годы,
Что создается ощущение почти что полного покоя.
Они не сдвигаются со своих мест, чтобы скрыть расщелины.
Это от гордости, должно быть.
Долгие годы проходят в виденьях предстоящего.
Будущий их разрушитель
Еще не явился.
И тогда прорастают кустарники. Водоросли взбурлят.
Море прихлынет и отпрянет.
Но кажется, что они неподвижны.
До поры, когда маленькая морская собака
Придет потереться о скалы.
Придет и уйдет. И вдруг — камень ранен.
Я ведь сказала тебе, — когда скалы разламываются, это бывает внезапно.
Тем более люди.
Перевод С. Гринберга

СРЕДИННАЯ БАШНЯ

Меж севером и югом,
меж западом и востоком
стоит Срединная Башня,
надежда всех живущих.
В той Башне — царство жизни,
где обитают души,
где все души живы
и не ведают смерти.
Ведь души не умирают,
все они — в Срединной Башне,
душа моего отца — в Башне,
как цветок, обращенный к восходу,
как цветок, обращенный к закату.
Хвалите Господа в Башне,
хвалите Его в царстве жизни!
Все наши души — в Башне,
не мертвые, но живые,
и там мой отец смеется
счастливым смехом, летящим
до края вселенной и дальше.
Перевод А. Графова

Борис Чичибабин

КЛЯНУСЬ НА ЗНАМЕНИ ВЕСЕЛОМ

Однако радоваться рано —
и пусть орет иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не знамя,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орет, — а я-то знаю:
не умер Сталин.

Как будто дело все в убитых,
в безвестно канувших на Север —
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, —
не умер Сталин.

Пока во лжи неукротимы
сидят холеные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждет доносчик, —
не умер Сталин.

И не по старой ли привычке
невежды стали наготове —
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?

У славы путь неординаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков, —
не умер Сталин.

А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?

Я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?

Клянусь на знамени веселом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадь не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!

1959

Анзор Натлиашвили прочёл несколько афоризмов:

«Господь относится к народам мира так, как они относятся к евреям».
Дизраэли Бинджамин

«Обращение с евреями в любой стране – термометр её цивилизованности».
Наполеон Бонапарт

«В Англии антисемитизма быть не может, поскольку англичане не считают себя глупее евреев».
Черчилль Уинстон

«За всё, что делает христианин, он отвечает лично. За всё, что делает еврей, отвечают все евреи».
Анна Франк

«Чем отличаются сионисты от антисемитов? Сионисты говорят, что среди евреев много знаменитостей, а антисемиты говорят, что среди знаменитостей много евреев».
Константин Мелихан

«Пессимизм – это роскошь, которую евреи не могут себе позволить».
Голда Меир